

**Сочинения Иннокентия,
архиепископа Херсонского и
Таврического**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С69

С69 Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического: Том 4 / –
М.: Книга по Требованию, 2015. – 644 с.

ISBN 978-5-458-56634-6

ISBN 978-5-458-56634-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

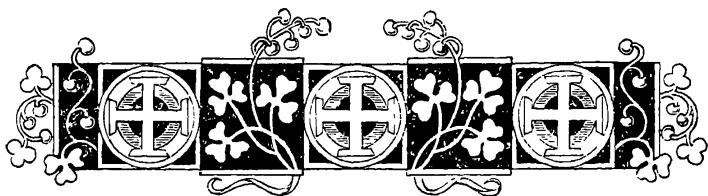
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Слово въ недѣлю мытаря и фарисея.

Съ нынѣшняго дня, братіе, святая Церковь начинаетъ приготовленіе къ святой и великой Четыредесятницѣ, почему и начала оглашать слухъ нашъ трогательнымъ воззваніемъ къ покаянію. Заблаговременно начинаетъ Церковь свое дѣло, ибо великія дѣла и приготовленія требуютъ не малаго. У кого есть намѣреніе сразиться съ сильнымъ и многочисленнымъ непріателемъ, тотъ заранѣе собираетъ силы для его низложенія, а какой врагъ опаснѣе и хитрѣе нашей плоти, которая непрестанно воюетъ на духъ нашъ? Кто предпринимаетъ врачеваніе упорной и застарѣлой болѣзни, тотъ заранѣе беретъ на свои руки недужныхъ и различаетъ со многими вещами, а какая болѣзнь старѣе и упорнѣе грѣха, живущаго въ нашемъ сердцѣ?—Итакъ, не будемъ удивляться и сѣтовать, если еще до наступленія поста, будемъ не разъ слышать изъ устъ Церкви воззваніе къ покаянію:—это гласъ здравія душевнаго для немощныхъ! гласъ побѣды для имѣющихъ выйти на сраженіе! Напротивъ, чувствуя всю нѣжность матерняго попеченія Церкви о нашемъ спасеніи, усугубимъ вниманіе и послушаніе, войдемъ въ ея благія намѣренія о насъ, и послѣдуемъ за ея руководствомъ, какъ немощные слѣдуютъ за совѣтами врача, воины за указаніями опытнаго полководца.

Что же представляетъ предъ очи наши святая Церковь, изводя насъ нынѣ на поприще покаянія?—Представляетъ двухъ человѣкъ: фарисея и мытаря,—фарисея, хвалящагося своими совершенствами, осуждающаго тѣхъ, кои не имѣютъ ихъ, и за это самое осужденнаго Богомъ,—мытаря кающа-

гося, со смиреніемъ исповѣдующаго свои грѣхи, и за это самое отходящаго въ домъ свой оправданнымъ. Не безъ великаго намѣренія, братіе, представляются нынѣ вниманію нашему эти, а не другія лица. Въ нихъ должно быть означено, что надобно дѣлать и чего удаляться намъ при покаяніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи къ покаянію, всѣ мы раздѣляемъ на два вида: одни думаютъ, что не имѣютъ нужды въ покаяніи, и потому, или не приносятъ онаго, или каются поверхностно: таковыхъ Церковь вразумляетъ примѣромъ фарисея. Другіе изъ насъ находятъ для себя нужнымъ покаяніе, и желали бы принести оно, но не знаютъ, чего требуется отъ кающагося: таковымъ Церковь подаетъ наставленіе въ лицѣ мытаря. То и другое наставленіе весьма ясно и понятно для cadaго! Посему намъ надлежало бы только обратить ваше вниманіе на картину мытаря и фарисея, и сказать отъ имени Церкви: смотрите и поучайтесь!— Но поелику плотской человѣкъ нашъ, для коего покаяніе есть смерть, умѣетъ въ этомъ случаѣ и ясное дѣлать темнымъ, то попытаемся пресѣчь ему пути къ тому.

Примѣромъ осужденнаго фарисея Церковь хочетъ, мы сказали, вразумить насъ, что вся наша праведность не имѣетъ цѣны предъ Богомъ правды, если не соединена со смиреніемъ,—что всѣмъ намъ для полученія милости Божіей одно средство—покаяніе и вѣра въ Икупителя.—Но, развѣ кто-либо не вѣритъ симъ истинамъ, и рѣшится представлять изъ себя надменнаго праведника?—Подлинно, братіе, явно никто не захочетъ быть фарисеемъ, но въ сердцѣ многіе остаются фарисеями, сами, можетъ быть, не примѣчая того. Иначе, скажите, почему нѣкоторые, не отвергаясь впрочемъ вѣры въ Спасителя и упованія жизни вѣчной, вовсе не являются во врачевницу покаянія?—Какъ ни судить, а въ основаніи такого поступка лежитъ нѣчто явно-фарисейское.—Почему многіе и являясь въ духовное судилище покаянія, кажутся болѣе судіями, нежели судимыми, скорѣе дающими, нежели приѣмлющими? И тутъ нельзя не замѣтить духа фарисейскаго.—Почему, наконецъ, самые добрые, повидимому, христіане большею частію при покаяніи такъ сухи, хладны, неподвижны, какъ бы дѣлали что самое обыкновенное, не имѣющее ни важныхъ причинъ, ни важныхъ послѣдствій?—Не плодъ ли и это самодовольства своимъ со-

стояніемъ, незнанія той тяжести, которую слагаютъ, той бездны, изъ коей исходятъ, того дара, который приемятъ, то-есть, не явный ли плодъ тайнаго фарисейства?—Итакъ, видите, какъ много изъ насъ находится духовныхъ фари-сеевъ, при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи нашихъ поступковъ?

Что же можетъ держать людей въ ослѣпленіи фарисейскомъ и не даетъ видѣть имъ своей грѣховности?—То, что можно имѣть, и многіе дѣйствительно имѣютъ, весь видъ праведности, не будучи на самомъ дѣлѣ истинно праведными. Не чувствовали никогда сильныхъ и открытыхъ припадковъ зла, живущаго въ сердцахъ,—не имѣли несчастія преступать нагло предѣловъ правды и долга, не выходили изъ повиновенія уставамъ Церкви; хранили порядокъ въ жизни и дѣлахъ, старались заслужить похвалу у людей, заслужили оную, чувствуютъ нерѣдко одобреніе самой совѣсти: и вслѣдствіе всѣхъ сихъ заслугъ, добродѣтелей, похвалъ, думаютъ, что они совершенно здравы душею, а думая такимъ образомъ, естественно не требуютъ врача духовнаго. Вотъ происхожденіе всякаго фарисейства! Оно утверждается на мнимыхъ добродѣтеляхъ; и потому тѣмъ труднѣе рукъ человѣческой поколебать его. Кумиръ праведности кажется такъ благолѣпенъ, что невольно требуетъ поклоненія и жертвъ.

Но, кто бы ты ни былъ, надменный своей правдою, ты долженъ оставить ее!—Ты не видишь въ себѣ зла; но можешь ли сказать, что ты видишь въ себѣ все? Апостоль Павелъ, безъ сомнѣнія, не менѣе твоего трудился надъ своимъ сердцемъ и жизнію; но, что говорить? *Ничегоже въ себѣ свѣтъ: но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. 4, 4). Почему и сего недостаточно къ оправданію? Не по избытку ли смиренія это сказано? Нѣтъ, по существу самаго дѣла,—потому, что *есть болій сердца нашего, Который въсть вся* (1 Иоан. 3, 20)!—Невидное намъ, видно Ему. Когда Онъ оправдитъ насъ, тогда токмо мы будемъ правы. Но *Онъ* что говорить намъ? Онъ говорить, и говорить всѣмъ, не грѣшникамъ токмо, но и самымъ праведникамъ: что аще *речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Иоан. 1, 8). Хвалились послѣ сего своею правдою, и думай много о ней!—

«Вѣрую, скажешь, свидѣтельству Божию о моей нечистотѣ, потому и хожу на исповѣдь, но не могу приписывать

себѣ тѣхъ грѣховъ, коихъ во мнѣ нѣтъ». Но есть ли хотя одинъ грѣхъ? безъ сомнѣнія есть. Внемли же, говоритъ Апостоль? *Иже согрѣшитъ во единомъ, бысть вѣсѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10). Какъ это можетъ быть?—Спросишь. А какъ бываетъ съ тѣломъ, что одинъ членъ болитъ, а все тѣло нездорово? Если въ тѣлѣ такъ, кольми паче въ душѣ; ибо душа не имѣетъ такой сложности, какъ тѣло,—въ ней все одно. Притомъ, кто далъ одну заповѣдь. тобою нарушенную?— Не Тотъ ли, отъ Кого произошли и всѣ прочія заповѣди?— Коль скоро ты не уважаешь Законодателя, — а не уважаешь, нарушая Его заповѣдь,—то уже не уважаешь и всего закона. И что значить всѣ заповѣди, какъ не раскрытіе одной и той же заповѣди—быть свѣтымъ, *якоже Онъ святъ есть* (1 Петр. 1, 16)? Посему, нарушивъ одну заповѣдь, ты нарушилъ всѣ: *иже согрѣши во единомъ, бысть вѣсѣмъ повиненъ!*

Но совѣсть твоя не можетъ указать тебѣ и на одинъ грѣхъ, тобою сдѣланный?—Благодари Господа, сохранившаго тебя отъ явныхъ грѣховъ; но, не думай спасти чрезъ это кумирь твоей праведности. Есть другой способъ обнажить его срамоту и низринуть съ высоты. Внемли! Если бы ты часто видѣлъ надъ горою дымъ, изъ нея выходящій, а по временамъ и искры, что бы ты заключилъ объ этой горѣ? Не то ли, что внутри ея вулканъ? И рѣшился ли бы ты, не смотря на всю красоту и видимую прочность горы, основать на ней свое жилище?—Суди такимъ же образомъ о своей душѣ и сердцѣ. Ты не можешь, никакъ не можешь отрицать, чтобы изъ этого добраго сердца не выходилъ по временамъ дымъ худыхъ мыслей, чтобы въ сей честной душѣ не появлялись иногда искры нечистыхъ вожелѣній. Итакъ, знай, что внутри тебя вулканъ зла огнедышущій. Онъ покоенъ до времени, ибо не достаетъ потрясеній со внѣ, но тѣмъ не менѣе въ немъ цѣлый адъ зла. И здѣсь ли, на этой ли горѣ, на сей ли праведности ты думаешь основать зданіе вѣчнаго твоего спасенія?—Явится искушеніе, подойдетъ врагъ,—и то, что было вознесено до облакъ, низринется до ада; что прельщало взоры, представитъ груды развалинъ.

И не то ли самое видится въ жизни нѣкоторыхъ людей совершенно неукоризненнаго поведенія?—Съ высоты честной жизни они вдругъ низвергаются въ бездну какого-либо

тяжкаго порока, даже предаются всеѣмъ родамъ нечестія, а потомъ отчаянію и самой смерти. Что значить это? Вдругъ ли происходитъ такое превращеніе? Въ самомъ ли дѣлѣ всемогущая благодать Божія такъ скоро уступаетъ мѣсто и побѣду грѣху и диаволу?—Нѣтъ, въ семь случаевъ происходитъ именно то, что бываетъ съ огнедышущими горами: выходитъ наружу, что давно сокрывалось внутри. Если бы зла давно не было въ сердцѣ, то оно не разразилось бы такъ внезапно и съ такою свирѣпостію, не заняло бы всеѣхъ входовъ и исходовъ жизни, не убило бы вдругъ души и тѣла.

Не будемъ же превозноситься нашею правдою. Все мы ходимъ надъ бездною, и безъ Ангела-Хранителя можемъ сто разъ пасть и разбиться въ прахъ. Ахъ, что было бы съ самыми честнѣйшими, по мнѣнію свѣта, людьми, если бы благодать Божія предоставила ихъ силѣ зла, въ нихъ живущаго!

«Но нельзя же отвергать, что многіе изъ христіанъ имѣютъ дѣйствительныя добродѣтели и обладаютъ не малымъ совершенствомъ духовнымъ».

И кому же имѣть добродѣтели, какъ не христіанамъ? Чего не сдѣлано, дабы мы все были добродѣтельными?—Сколько талантовъ дается для сего каждому? И все ли употребляются въ дѣло? Вмѣсто того, чтобы считать долго, что имѣешь, и что приобрѣлъ, сочти лучше, сколько принялъ. Нѣтъ человѣка, который бы сдѣлалъ болѣе, нежели сколько для него сдѣлано, приобрѣлъ множае, нежели принялъ. Чѣмъ же гордиться?—Ты употребилъ въ дѣло пять талантовъ, но можешь ли сказать, что принялъ только пять?—Можешь ли поручиться даже за то, что все это не поддѣльное золото, коимъ ты такъ восхищаешься?

Какъ обыкновенно мы смотримъ на добродѣтели?—Почти всегда въ увеличительное стекло; напротивъ, пороки наши представляются намъ въ стеклѣ уменьшительномъ. Отбрось пристрастіе,—и многое тотчасъ перемѣнится: тамъ, гдѣ ты видѣлъ одинъ блескъ ослѣпляющій, увидишь пятна и тьму. Пророкъ удивлялся нѣкогда красотѣ храма Іерусалимскаго, представленнаго ему въ видѣніи, и вдругъ услышалъ голосъ: *раскопай стѣну* (Іезек. 8, 8—10). Прокопавши, онъ увидѣлъ въ храмѣ мерзости, коихъ можно ожидать только въ домахъ разврата. Прокопай и ты, недугующій духомъ тщеславія, прокопай стѣну твоего самолюбія, вникни въ тайны побу-

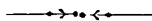
жденія и цѣль твоихъ блистательныхъ подвиговъ; и, можетъ быть, ты ужаснешься того храма твоей святости, предъ коимъ теперь благоговѣешь.

Малыя добродѣтели кажутся намъ великими не рѣдко и отъ того, что мы сравниваемъ ихъ съ пороками другихъ, какъ поступилъ и фарисей, говоря, что онъ не хищникъ, не прелюбодѣй, какъ другіе.—Правильное ли это сравненіе? Добродѣтель должна быть сравниваема не съ порокомъ, а съ добродѣтелями. Сравни же теперь свой постъ съ постомъ Іоанна Крестителя, свою вѣру съ вѣрою Авраама, и такъ далѣе. Быть не можетъ, чтобы при этомъ сравненіи ты не нашель въ себѣ многихъ недостатковъ. Самъ фарисей, вѣроятно, не сталъ бы превозносить себя, если бы вмѣсто мытаря взялъ для сравненія съ собою кого-либо изъ святыхъ, коими такъ богата исторія народа Божія.

Не малымъ, наконецъ, пособіемъ противъ духа гордости духовной можетъ служить и представленіе великости предназначенія, насъ ожидающаго. Твои добродѣтели служатъ предметомъ похвалъ для подобныхъ тебѣ челоуѣковъ, но для челоуѣка ли ты долженъ быть добродѣтеленъ? Въ этомъ мірѣ и малое можетъ казаться великимъ. Но будетъ ли таковымъ въ томъ новомъ мірѣ, куда пойдешь ты и должны идти все? Мы должны нѣкогда жить съ Ангелами, вступить въ сообщеніе съ Самимъ Богомъ. Довольно ли чистъ и для сего? Устоитъ ли твоя добродѣтель предъ очами Божиими?—Исаія провелъ всю жизнь въ подвигахъ духовныхъ и удостоился избранія въ пророки; но когда увидѣлъ себя предъ престоломъ Божиимъ, то возопилъ съ ужасомъ: *опаяненъ азъ челоуѣкъ, яко нечисты усты и мый, и Господа Саваоѳа видѣхъ очима!* (Исаія 6, 5), и не прежде успокоился, какъ Ангель очистилъ его прикосновеніемъ угля съ жертвенника. Ставь, когда придетъ къ тебѣ духъ гордости, ставь себя скорѣе и ты не предъ сонмъ мытарей или фарисеевъ, а предъ престоломъ Бога всесовершеннаго;—и ты возопіешь гласомъ Исаіи о своей бѣдности и нечистотѣ, и всеочищающій уголь Тѣла и Крови Богочелоуѣка содѣлается для тебя необходимостію.

Но довольно—противъ фарисейской праведности. Должно сказать что-либо въ наставленіе и тѣхъ, кои чувствуютъ свою грѣховность и желаютъ принести покаянiе, но не знаютъ, какъ лучше совершить это великое дѣло. Вамъ, братіе, кто

бы вы ни были, нельзя дать лучшаго совѣта, какъ взирать на кающагося мытаря и поступать, какъ поступалъ онъ. Его глубокое смиреніе, его надежда на милость Божію, его исповѣданіе своего недостойнства, должны быть всегда у васъ предъ очима. Если бы и за симъ потребовалось какое-либо новое вразумленіе, то въ слѣдующую недѣлю св. Церковь представитъ еще примѣръ покаянія въ блудномъ сынѣ, который былъ совершенно мертвъ грѣхами, но потомъ ожилъ для Бога и жизни вѣчной. Идите его путемъ, и придете въ домъ отеческій! Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ МЯСОПУСТНУЮ.

Вчера мы творили молитвенную память о всѣхъ, отъ вѣка преставльшихся, отцахъ и братіяхъ нашихъ; а нынѣ сами преносимся мыслію въ будущее и поставляемъ себя вмѣстѣ съ ними предъ престоломъ грознаго Судіи, имѣющаго рѣшить вѣчную участь каждаго изъ насъ. Судя по сему, если въ какой день, то въ настоящій прилично намъ размышленіе о своей жизни, изслѣдованіе своей совѣсти, слезы и плачь о грѣхахъ нашихъ. Ибо можно ли помыслить о страшномъ судѣ Божіемъ и не обратиться въ то же время къ своей совѣсти? Можно ли обратиться къ своей совѣсти и не замѣтить тотчасъ, что мы покрыты множествомъ грѣховъ, что мы всѣ не въ такомъ состояніи, чтобы съ свѣтлымъ лицемъ явиться предъ Того, Кто испытуетъ сердца и утробы? Посему-то одна мысль о страшномъ судѣ Божіемъ приводила въ трепетъ самыхъ праведниковъ; и, безъ сомнѣнія, если какой день, то настоящій проводили они отъ утра до вечера въ слезахъ и воздыханіи.

У насъ—напротивъ! Нѣтъ, кажется, ни одного дня въ году, который проводился бы съ такимъ невоздержаніемъ и плотоугодіемъ, какъ нынѣшній. Можно подумать, что мы составили заговоръ противъ святаго учрежденія Церкви, и хотимъ показать, что ни во что вмѣняемъ тотъ страшный судъ, изображеніемъ коего думаетъ она запятъ стопы наши на широкомъ пути міра и плоти!

Причиною сей несчастной противоположности и небреженія о днѣ, столь важномъ и священномъ, не другое что, какъ то обстоятельство, что нынѣшнимъ днемъ оканчивается

употребленіе обыкновенной нашей пищи. Можно ли было ожидать, чтобы причина столь не важная отняла всю силу у святаго учрежденія Церкви, привела въ забвеніе страшный судъ Божій, и произвела именно противное тому, что предполагала святая Церковь?—Но, дѣло точно такъ; ибо другой причины нѣтъ. Церковь съ своей стороны употребила все, могущее возбудить въ насъ чувство покаянія; самыя трогательныя и угрожающія пѣсни ея собраны именно въ службѣ на нынѣшній день; одно нынѣ чтенное Евангеліе и Апостолъ могли бы вразумить самаго закоренѣлаго плотоугодника. Но насъ, увы, ничто не трогаетъ и не возбуждаетъ отъ пагубнаго служенія плоти и міру.—Надъ нами во всей силѣ сбывается грозное слово Спасителя, изреченное о народѣ іудейскомъ: *рыдахомъ вамъ и не плакасте* (Лук. 7, 32)!

Гдѣ искать причины нашего, столь пагубнаго нечувствія? Не въ томъ ли между прочимъ, что многіе изъ насъ вовсе не знаютъ, что въ нынѣшній день совершается воспоминаніе страшнаго суда Божія?—Къ сожалѣнію, многіе дѣйствительно не знаютъ сего, но что значитъ самое это незнаніе? Увы, и оно не оправдываетъ, а еще болѣе обвиняетъ насъ. Ибо, кто виною этого незнанія?—Мы сами.—Сколько пѣней церковныхъ въ настоящій день, изъ коихъ каждая изображаетъ судъ страшный? одно Евангеліе нынѣшнее не достаточно ли вразумить въ семь всякаго, кто только не лишенъ слуха?—И что прикрывать лжею наше невѣдѣніе?—Что нынѣ день страшнаго суда, этого мы не знаемъ; а знаютъ же всѣ отъ велика до мала, что нынѣ послѣдній день мясоустія. Какъ же мы всѣ такъ твердо узнали одну половину учрежденія церковнаго и вовсе не знаемъ другой? Знаемъ твердо то, что служить въ угожденіе плоти, и не вѣдаемъ того, что на пользу духа и совѣсти!—Не явный ли это признакъ, что мы дорожимъ одною своею плотію и угожденіемъ чреву, а что необходимо ко спасенію души, о томъ нерадимъ безумно? Сія-то именно склонность къ чувственному губить насъ и нынѣ, какъ и всегда; она-то дѣлаетъ для насъ безплодными всѣ благія учрежденія Церкви.

Ибо нынѣшній ли одинъ день такъ несчастно превращается нами?—Увы, это превращеніе есть только начало другаго, большаго. Я разумѣю наступающую недѣлю сыро-

пустную. Что можетъ быть жалчѣе участи сея недѣли? Она предназначена, по намѣренію Церкви, служить приготовленіемъ къ Великому посту и такъ сказать, введеніемъ въ него. Церковь показала при семъ случаѣ всю материнскую заботливость о насъ. Чтобы приучить насъ постепенно къ подвигу постному, она лишила насъ на сію недѣлю половины снѣдей, дабы внезапнымъ и сильнымъ переворотомъ не потрясти слишкомъ самыхъ чувственныхъ привычекъ нашихъ. Что же вышло у насъ изъ сего снисхожденія Церкви?—Вышелъ новый поводъ и случай къ плотоугодію и невоздержанію. Въ цѣломъ году нѣтъ ни одной недѣли, которая была бы исполнена столько шума и молвы, столько объяденія и пиянства, столько празднословія и кощунства, столько пороковъ и беззаконій, какъ наступающая. Если о какой седмицѣ, то, вѣроятно, о сей плачутъ ежегодно Ангели Божіи, радуются ангелы тьмы; если когда адъ и геенна приобрѣтаютъ для себя наиболѣе жертвъ, то въ это несчастное время. Увы, если бы учредители сея недѣли могли предвидѣть то, что мы дѣлаемъ изъ ней!

Но, они невинны: они желали нашего спасенія и сдѣлали для сего все, что могли. Прочтите или выслушайте со вниманіемъ богослуженіе cadaго дня въ наступающей седмицѣ. Какъ внятно тамъ объяснена цѣль учрежденія недѣли сыропустной!—Сколько на каждый день святыхъ мыслей и чувствъ! Церковь, можно сказать, взявъ за руку ведетъ насъ съ распутии міра и приближаетъ къ поприщу св. поста; но все сіе остается втунѣ. Ибо мы въ продолженіе сей недѣли стараемся быть и бываемъ вездѣ, только не въ церкви. Послѣ сего благое учрежденіе церковное какъ бы вовсе не существуетъ для насъ.

Но если бы только не существовало! И это было бы безчестіемъ для имени христіанскаго и зломъ для насъ, но все еще не такъ великимъ. Нѣтъ, когда мы, отягченные невоздержаніемъ въ яствѣ и питіи, дремлемъ, то врагъ спасенія нашего не спитъ и не дремлетъ. Чего не успѣлъ онъ сдѣлать изъ этой священной седмицы? Точно, какъ предъ концемъ міра, зная, *яко время мало иматъ* (Апок. 12, 12), онъ окажетъ, по свидѣтельству тайновидца, всю лютость и все лукавство: такъ поступаетъ онъ и въ продолженіе наступающей седмицы. Угрожаемый постомъ и покаяніемъ, онъ

употребляетъ всѣ силы, разставляетъ всѣ сѣти, разбрасываетъ всѣ приманки, чтобы уловить какъ можно болѣе жертвъ. И многіе ли избѣгаютъ этихъ сѣтей? Самыя въ другое время степенныя лица почитаютъ какъ бы за какой долгъ дать въ это время волю своимъ чувственнымъ пожеланіямъ; самыя старцы не почитаютъ за стыдъ являться подобными несмысленнымъ дѣтямъ. А юные?—Увы, если когда гибнетъ цвѣтъ этого прекраснаго возраста, то въ это несчастное время!

То есть, въ какое время?—То самое, которое, по намѣренію Церкви, должно служить приготовленіемъ къ посту, и слѣдовательно само уже есть нѣкотораго рода постомъ и днями сѣтованія, то время, которое слѣдуетъ непосредственно за воспоминаніемъ суда страшнаго, нынѣ совершаемымъ!—Сему-то выучиваемся мы въ нынѣшній день! Такой-то плодъ производитъ въ насъ явленіе грознаго Судіи! О безчувствія! о окамененія душъ и сердецъ!

Между тѣмъ сія пагубная привычка такъ укоренилась во всѣхъ насъ, такъ сроднилась съ нами отъ младенчества, вошла въ нравы, въ самую природу нашу, что говоритъ противъ нея значить почти явно терять слова и время. Ибо, вотъ мы теперь разсуждаемъ о семъ, скорбимъ и сѣтуемъ; вы сами не можете не признать справедливости нашихъ словъ и нашей скорби. Но найдется ли хотя одинъ изъ насъ, кто бы принялъ сіи слова къ сердцу и рѣшился поступить сообразно намѣренію Церкви, презрѣть обычай міра и провести наступающую седмицу не въ угожденіи чреву и въ увеселеніяхъ мірскихъ, а въ приготовленіи себя къ святому посту и покаянію? Ахъ, печальный опытъ едва не отнимаетъ у насъ всей надежды на сіе; и если мы говоримъ теперь, то не столько по чаянію плода отъ нашей бесѣды, сколько для исполненія своего долга. Ибо обязанность пастырей говорить и возвѣщать истину, даже и тогда, когда бы и никто не хотѣлъ слушать ее.

Если бы впрочемъ нашелся теперь хотя одинъ, который бы, внявъ нашему слову, или паче указанію святой Церкви, рѣшился провести наступающую недѣлю въ воздержаніи, молитвѣ и цѣломудріи, то мы возблагодаримъ и за сіе Господа; ибо и одна душа—пріобрѣтеніе великое; и за одну душу Спаситель излилъ кровь Свою, такъ же, какъ за всѣхъ. Мы увѣрены, что такой человѣкъ найдетъ болѣе душевнаго